

Научная статья

УДК 82-131:811.11-112

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-2-101-4>

© Сергей Александрович Жилюк, 2021

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия,

s.zhilyuk@spbu.ru, s.a.jiluck@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0090-9068>

© Sergei A. Zhiliuk, 2021

St Petersburg State University,

St Petersburg, Russia,

s.zhilyuk@spbu.ru, s.a.jiluck@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0090-9068>

Сказание о нибелунгах в контексте лингвокультурологии германских народов

Аннотация. Сказание о нибелунгах относится к периоду раннего литературного творчества почти всех германских народов. Произведения, в которых излагается миф о нибелунгах, фиксируют различные социально-культурные этапы развития германских обществ и представляют несомненный интерес для историков культуры и социальных отношений. В крупнейшем произведении о нибелунгах «Песнь о нибелунгах», записанной в начале XIII в. в Южной Германии, нашли отражение как архаичные черты, так и события, современные автору. В XIX–XX вв. можно проследить влияние сказания о нибелунгах на формирование менталитета народа Германии (особенно сильно это влияние ощущалось в годы национал-социализма). Именно к данному сказанию восходят некоторые идеологические установки лидеров Третьего Рейха.

Ключевые слова: германский героический эпос, сказание о нибелунгах, скандинавские саги, «Песнь о нибелунгах», история Германии, Третий Рейх, национал-социализм.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-11-00001 «Традиционные и новые подходы к изучению германского эпоса о Нибелунгах»).

The Nibelung myth in linguistics and culture of Germanic peoples

Abstract. The Lay of the Nibelungs is a prominent literature work dating back to the early 13th century. It is a result of almost 10 century evolution of the material going back into the early Middle Ages. The material was also used by other Germanic peoples for development of Scandinavian sagas, Faroese and Danish ballads. The texts representing the story of the Nibelungs mark different stages of social and cultural development of the relevant Germanic peoples and are of a special interest for the historians dealing with the social history of Europe. The Lay of the Nibelungs, however, content not only contemporary features, like courteous rituals, but also archaic ones deriving from ancient lays and tales which are left unknown to us. The 19th century saw growing influence of the myth of the Nibelungs on German society with de La Mott Fouquet and Wagner creating the most eminent works updating the ancient lay. In the 20th century the Nibelungs-mentality shaped some aspects of Nazi ideology and was widely discussed by the leaders of the Third Reich.

Keywords: German heroic epic, the Lay of the Nibelungs, Scandinavian sagas, The Song of the Nibelungs, history of Germany, Third Reich, national socialism.

Acknowledgement: The work was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 19-11-00001 “Traditional and new approaches to the study of the Germanic epic about the Nibelungs”).

Введение

В 1924 г. в Берлине состоялась премьера фильма, о котором сегодня помнят только историки кинематографа. Однако в 20-е гг. XX в. его популярность как в самой Германии, так и за рубежом была ошеломляющей. Достаточно сказать, что это был первый европейский полнометражный фильм, прокат которого состоялся в странах Дальнего Востока, в частности в Корее. Речь идет о кинокартине в двух частях, созданной режиссером Францем Лангом на основе сказания о нибелунгах. Как показал ход исторических событий, наибольший отклик этот древнегерманский миф нашел у будущих лидеров Третьего Рейха, увидевших в нем подтверждение своих теорий о верховенстве сверхчеловека-Зигфрида и идеале героической гибели во имя посмертной славы. Сам режиссер впоследствии признавался, что он стремился подарить немцам, деморализованным последствиями Первой мировой войны, надежду на светлое будущее¹ и ни в коем случае не рассчитывал на такую реакцию.

Современное германское общество практически не знакомо с древними германскими сказаниями, и немаловажную роль в этом сыграл интерес к древнегерманской культуре национал-социалистов. Отторжение идеологии гитлеризма, денацификация и демилитаризация немецкого общества после Второй мировой войны привели к тому, что сказание о нибелунгах стало предметом исключительно интереса ученых, в первую очередь занимающихся историей немецкой культуры (в Германии и других западных странах) и историей немецкого языка (в России). Попытки возродить интерес к мифу о нибелунгах у широкой общественности, предпринимаемые время от времени в Германии (проведение фестивалей, выставок, открытие музеев и туристических маршрутов), пока не привели к нужному результату². Отсутствие комплексного подхода к рассмотрению всех проблем, связанных со сказанием о нибелунгах, является приметой новейшей научной традиции, сформировавшейся в конце XX – начале XXI в., и отличает ее от классического подхода, который исповедовали классики изучения германского эпоса А. Хойслер, В. Г. Адмони, В. М. Жирмунский, М. И. Стеблин-Каменский и ряд других авторов первой половины – середины XX в.

В рамках такого комплексного подхода обоснованным выглядит рассмотрение связи сказания о нибелунгах с европейской культурой и историей. Основной целью настоящей статьи мы считаем определение места данного сказания в европейской культуре, для этого необходимо проследить краткую историю его формирования в

¹ Fritz Lang: Interviews / edited by B. K. Grant. – Jackson: University Press of Mississippi, 2003. – 244 p.

² Münkler H., Storch W. Siegfrieden. Politik mit einem deutschen Mythos. – Berlin: Rotbuch Verlag, 1990. – 141 S.

рамках европейской культурной традиции и ответить на вопросы: какие события на него повлияли и какие явления оказались под его влиянием?

Основная часть

Влияние лингвокультурологических и социокультурных факторов на сказание о нибелунгах

Сказание о нибелунгах нашло отражение в скандинавских сагах «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда», в «Саге о Тидреке» и «Саге о Вельсунгах», в фарерских и датских балладах, но наиболее полно данный сюжет излагается в «Песни о нибелунгах», которая считается героическим эпосом германского народа.

Героический эпос имеет в своей основе исторические события, запечатлевшиеся в памяти народа и этой же памятью искаженные¹. Историческая основа сказания о нибелунгах неоднородна. Сказание о гибели Бургундского королевства принято относить к событиям V в., когда гунны во главе с Атилой уничтожили Первое Бургундское королевство. Сборник законов германского племени бургундов, дошедший до нас на латинском языке, сохранил имена их правителей, в которых можно узнать знакомые по «Песни о нибелунгах» имена: *Gibica, Gundomaris, Gislaharius, Gundaharius*. Вместе с тем археологи и историки отмечают серьезную проблему: до сих пор не было найдено артефактов, которые подтверждали бы существование на Рейне поселений бургундов². Иными словами, мы не располагаем предметами материальной культуры, свидетельствующими о реальности описываемых в мифе событий. Другая часть сказания о нибелунгах, повествующая о Зигфриде и Брюнхильде, хотя и имеет под собой некую историческую основу и связывается некоторыми исследователями с событиями, произошедшими в Меровингской династии³, вероятнее всего, все же опирается на сказки и мифы древних германцев⁴.

Сочетание исторического и сказочного начал в сказании о нибелунгах может считаться весьма интересным культурным явлением. С одной стороны, сказки как одна из древнейших форм литературного творчества народа послужили основой для развития литературы, а с другой стороны, сказки, как было убедительно доказано В. Я. Проппом, – это отражение обрядов и ритуалов, но не конкретных исторических событий⁵. Таким образом, сказание о нибелунгах оказывается на стыке сказочной традиции и традиции героических песен, опирающихся на исторический материал. Едва ли в европейской культуре можно привести другой подобный пример.

¹ Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1960. – 446 с.

² Traub R. Mär von deutschen Recken // Der Spiegel. Geschichte. – 2013. – № 2. – S. 102–107; Wackwitz P. Gab es ein Burgunderreich in Worms? // Beiträge zu den Geschichtlichen Grundlagen der Nibelungensage. 1964–1965. – Bd. 2. – S. 265–294.

³ Bumke J. Die Quellen der Brünhildfäbel im Nibelungenlied // Euphorion. – 1960. – Bd. 54. – S. 1–38.

⁴ Baeva G. Mythos und Geschichte im Nibelungenlied // Akten des XIII Internationalen Germanistenkongresses Shanghai 2015: Germanistik zwischen Tradition und Innovation / herausgegeben von J. Zhao, J. Zhu, M. Szurawitzki. – Shanghai: Peter Lang GmbH, 2017. – Bd. 8. – S. 217–224.

⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986. – 365 с.

Доподлинно неизвестно, каким образом происходило сложение сказания из разрозненных элементов и существовали ли тексты, которые можно было бы назвать прапеснью о нибелунгах. Автором убедительной теории эволюции «Песни о нибелунгах» является А. Хойслер, однако современные данные заставляют усомниться в достоверности умозаключений. На сегодняшний день можно утверждать о существовании по крайней мере двух традиций изложения сюжета о нибелунгах: северной, или скандинавской, нашедшей свое отражение в «Эддах» и «Саге о Вельсунгах», и южной, или южногерманской («Песнь о нибелунгах»). Эти традиции отличаются друг от друга не только разными формами имен героев (Сигурд – Зигфрид, Гудрун – Кримхильда, Гуннар – Гунтер, Хаген – Хегни), но и некоторыми сюжетными ходами и трактовками. При этом можно говорить и о произведениях, находящихся на стыке данных традиций (фарерские и датские баллады, «Сага о Тидреке»). Интересно, что эти произведения (за исключением баллад) были записаны примерно в одно и то же время – в XIII в.; однако все они отражают различные этапы социально-культурного развития европейского общества. Например, в «Старшей Эдде», в «Гренландской песни об Атли», подчеркивается, что Гудрун мстит Атли за убийство братьев, в то время как в других произведениях Гудрун / Кримхильда с помощью Атли / Этцеля мстит за убитого братьями мужа. Это позволяет ученым относить данную песнь к одним из наиболее архаичных в цикле о нибелунгах, хотя, возможно, речь идет о неравномерном развитии социально-правовых отношений у разных германских народов в момент создания и фиксации произведений о нибелунгах¹.

Правовые и социальные вопросы, являющиеся неотъемлемой частью культуры, периодически становятся предметом исследования на материале сказания о нибелунгах. В качестве примера могут быть приведены работы, посвященные социальному положению действующих лиц, в частности главного героя первой части «Песни о нибелунгах» Зигфрида. По прибытии в Изенштейн Зигфрид говорит о Гунтере *mîn herre*, а Зигфрид именуется *sîn man* (т. е. Зигфрид – вассал Гунтера). Статус вассала мог быть различен: существовали так называемые свободные вассалы благородного происхождения и несвободные. Несмотря на многочисленные попытки, исследователям не удалось ответить на вопрос о статусе Зигфрида по отношению к Гунтеру².

Не менее интересна и проблема статуса мести в сказании о нибелунгах. Ю. А. Клейнер, рассуждающий о закономерности гибели Сигурда на материале «Старшей Эдды», приходит к следующим выводам: «Прочетание его [героя. – С. Ж.] после совершения убийства (даже справедливого) было, видимо, несовместимо с германским героическим сознанием, весьма существенное место в котором занимал “юридический” компонент. Невозможность уладить конфликт и обязательная

¹ Стеблин-Каменский М. И. Комментарии // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / под редакцией М. И. Стеблина-Каменского. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – С. 214–257.

² Bumke J. Die Quellen der Brünhildfabel im Nibelungenlied // Euphoriion. – 1960. – Bd. 54. – S. 1–38; Hennig U. Herr und Mann – Zur Ständegliederung im Nibelungenlied // Hohenemser Studien zum Nibelungenlied / herausgegeben von A. Masser. – Dornbirn: Vorarlberger Verlagsanstalt, 1981. – S. 349–359.

гибель героя <...> и отличает последнего от странствующего рыцаря, а германское героическое сказание в целом от “бытового романа” новой литературы, с одной стороны, и от “рыцарского романа” или эпоса, строящегося на иной (не “юридической”) основе, с другой»¹.

Из приведенной цитаты очевидно, что в сказании о нибелунгах находит отражение такой уровень развития социальных отношений, который не зафиксирован другими известными нам произведениями. В этом плане «Песнь о нибелунгах», даже будучи «осовремененной» неизвестным автором рубежа XII–XIII вв., сохраняет архаичные черты, интересные историкам языка (и довольно неплохо исследованные в отечественной лингвистике); она представляет собой важный исторический документ, свидетельствующий о культуре древних германцев в раннем средневековье.

Существует немало работ германистов, посвященных истории создания «Песни» и ее текстологическому анализу. Помимо уже названной проблемы социального статуса Зигфрида, можно указать на неуклюже «осовремененную» сцену прибытия главного героя в Вормс. Зигфрид прибывает в Вормс с требованием вступить с ним в бой (рудимент более древней версии), намереваясь завладеть землями бургундов (что также согласуется с традицией перехода престола от правителя к зятю, которая к 1200 г. уже перестала существовать). Только вежливый, куртуазный ответ Гунтера позволяет привести действие к обычаям, описанным в куртуазной литературе². Предпринимались попытки связать особенности поведения Зигфрида не с культурной средой формирования сказания, а с психологическими чертами героя³, однако они не могут считаться убедительными.

Возможно, наиболее архаичным элементом сказания, восходящим к сказкам, можно считать сватовство Гунтера к Брюнхильде. В северных сагах практически полностью отсутствует информация об отношениях между Брюнхильдой и Сигурдом (так называемая проблема большой лакуны). Только в «Саге о Вельсунгах», характеризующейся наибольшей связностью изложения биографии главного героя, содержатся сведения о браке, заключенном между Сигурдом и Брюнхильдой. При этом «Сага о Вельсунгах», равно как и другие произведения, зафиксированные у скандинавских народов, подробно раскрывает жизнь Сигурда, не делая акцент на мести его жены убийцам Сигурда или Атли. Согласно «Песни», Зигфрид знает о Брюнхильде и ее условиях, предъявляемых потенциальному жениху, но автор не сообщает, откуда у Зигфрида эти знания. Большинство исследователей сходятся в том, что образ Брюнхильды и связанный с ней сюжет восходят к одной из устных

¹ Клейнер Ю. А. Сюжет – песнь – традиция // Слово в контексте литературной эволюции. Проблемы жанров / под редакцией О. А. Смирницкой. – Москва: Филологический факультет МГУ, 1993. – С. 51.

² Schulze U. Das Nibelungenlied. – Stuttgart: Reclam, 2008. – 340 S.

³ Nagel B. Das Nibelungenlied. Stoff – Form – Ethos. – Frankfurt am Main: Hirschgraben-Verlag, 1965. – 296 S.; Müller J.-D. Spielregeln für den Untergang: Die Welt des Nibelungenliedes. – Tübingen: Narr, 1998. – 271 S.

песен, которые легли в основу «Песни»¹. Однако некоторые авторы предполагают, что определенные детали (состязание в силе) могли быть придуманы самим автором². Мотив плаща-невидимки также восходит к сказочной основе.

Наконец, еще одно свидетельство архаичности сюжета – это мотив драконоборчества Зигфрида и клад нибелунгов. В «Песни о нибелунгах» борьба с драконом упомянута только вскользь; не получает развития и тема нибелунгова клада. С одной стороны, может показаться, что это такой же культурный анахронизм, как и плащ-невидимка, но с другой стороны, клад оказывается очень важен для завершения «Песни»: Хаген гибнет за отказ выдать место, где он спрятал клад³.

Кроме того, тема клада, вероятно, была так же важна для автора «Песни», как и свадьба Кримхильды и Этцеля, и отражает, как и свадьба, события, современные автору. В этом проявляется важность «Песни о нибелунгах» для изучения и понимания европейской культуры: сохраняя в себе архаичные черты раннесредневекового германского общества, она в то же время оказывается отражением актуальных для времени своего создания культурных явлений. Так, в частности, мотив клада мог быть актуализирован в сознании читателей «Песни» событиями, развернувшимися при возвращении Ричарда Львиное Сердце из Крестового похода. Английский король, захваченный в плен австрийским правителем, был выкуплен своей матерью за баснословную сумму, причем эту казну переправляли вверх по Рейну⁴. Сочетание двух понятий «клад» и «Рейн» могло увеличить популярность «Песни», некоторые читатели могли увидеть в ней иносказательное изображение событий недавнего, еще актуального прошлого. Точно так же бракосочетание Леопольда IV и византийской принцессы Феодоры могло служить прототипом свадьбы героев «Песни», тем более что и сам обряд в том виде, в котором он описан в тексте, отражает современные автору реалии⁵.

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют, что сказание о нибелунгах, если рассматривать его не на уровне отдельных произведений, а как комплексный сюжет, зафиксированный на разных стадиях развития, может пролить свет на события, послужившие толчком к его созданию, и на те явления, которые сопутствовали его фиксации у различных народов.

¹ Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1960. – 446 с.; Schulze U. Das Nibelungenlied. – Stuttgart: Reclam, 2008. – 340 S.

² Ehrismann O. Archaisches und Modernes im Nibelungenlied. Pathos und Abwehr // Hohenemser Studien zum Nibelungenlied / herausgegeben von A. Masser. – Dornbirn: Vorarlberger Verlagsanstalt, 1981. – S. 164–174.

³ Ehrismann O. Nibelungenlied. Epoche – Werk – Wirkung. – München: Verlag C. H. Beck, 1987. – 323 S.; Göhler P. Überlegungen zur Funktion des Hortes im *Nibelungenlied* // Hansische Literaturbeziehungen. Das Beispiel der *Þiðreks saga* und verwandter Literatur / herausgegeben von S. Kramarz-Bein. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996. – S. 215–235.

⁴ Dattenböck G. König Richard Löwenherz und das Nibelungenlied. – URL: <http://www.nibelungenlied-verfasser.at/Nibelungenlied.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).

⁵ Адмони В. Г. «Песнь о нибелунгах» – ее истоки и ее художественная структура // Песнь о нибелунгах / подготовлено В. Г. Адмони. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – С. 305–336.

Сказание о нибелунгах, представленное в «Песни о нибелунгах» и сагах, продолжило развиваться в устном народном творчестве. Если фарерские баллады, возникшие, очевидно, в XIV в., передают достаточно архаичный по сравнению с южной версией сюжет, восходя к северным сказаниям, то на территории Германии миф о нибелунгах постепенно эволюционировал в народную книгу о роговом Зигфриде и пьесу о роговом Зейфриде. Вместе с тем народная книга (а также ряд рукописей «Песни о нибелунгах») сохранила детали, позволяющие говорить о существовании параллельных версий сказания, в которых древний сюжет и особенности социальных отношений могли сохраниться лучше, чем в «Песни». В этом плане показательным имя жены Зигфрида в народной книге – Флоригунда; оно может восходить к имени меровингской принцессы Фредегунды.

Влияние сказания о нибелунгах на культуру германских народов

С точки зрения взаимосвязи сказания о нибелунгах с европейской культурой несомненный интерес представляет вопрос, почему сюжет о нибелунгах забылся народом в XVII–XVIII вв. и не находил отклика вплоть до начала XIX в.? Даже открытие рукописей в 1755 г. не произвело впечатления на немецкое общество; только подъем национального сознания в период освободительной войны 1813–1815 гг. стал катализатором распространения «Песни о нибелунгах» в среде немецкого ученого сообщества. Начиная с этого времени, данное сказание занимает важное место в немецком сознании, хотя его первая литературная обработка, предпринятая Ф. де ла Мотт Фуке (1808–1810 гг.), опиралась на «Сагу о Вельсунгах», так же как и созданный в третьей четверти XIX в. цикл опер «Кольцо Нибелунга». Если тетралогия Фуке воспевала доблесть Сигурда как героя-освободителя, то тетралогия Вагнера изначально задумывалась как гимн «новому человеку», порожденному надеждами революционного 1848 г.¹ Однако чрезвычайно длительное время работы над операми привело к тому, что общество восприняло Зигфрида Вагнера как своего рода национальный идеал, героя-государственника, воплощенную идею новой сильной Германской империи.

Популярность сказания о нибелунгах нашла отражение не только в литературе и музыке, но и в архитектуре, живописи, скульптуре. Одним из первых иллюстраций к «Песни о нибелунгах» создал швейцарско-английский художник И. Г. Фюссли (1741–1825 гг.).² Изображения Зигфрида и героев «Песни» нередко использовались при украшении общественных и частных построек (дворцы Потсдама, ратуша Пассау); скульпторы, вдохновленные сказанием, создали свои многочисленные произведения: «Зигфрид» К. Дауша в Бремене, проект памятника Вильгельму I в образе Зигфрида Р. Майсона, фонтан Нибелунгов в Австрии) и т. д. На рубеже XIX–XX вв. архитектор К. Хофманн разработал для Вормса версию стиля историзма, получившую название нибелунгова стиля.

¹ Кенигсберг А. К. «Кольцо Нибелунга» Вагнера. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, 2004. – 89 с.

² Шестаков В. П. Генри Фюзели: дневные мечты и ночные кошмары. – Москва: Прогресс-Традиция, 2002. – 272 с.

Образы из сказания о нибелунгах использовались немецкими политиками начала XX в. В 1909 г. князь Б. фон Бюлов охарактеризовал союз Германии и Австро-Венгрии как проявление «нибелунговой верности» (*Nibelungentreu*). После поражения в Первой мировой войне П. фон Гинденбург сравнивал предательство немецкой армии политиками с предательством вероломного Хагена.

Эти и другие подобные метафоры вкупе с чаяниями немецкого народа о возрождении германского величия были ловко использованы национал-социалистами. По замечанию современного австрийского историка Ф. Граф-Штульхофера, в своей внутренней политике Гитлер руководствовался принципом нибелунговой верности, а во внешней – готовностью к риску (*Risikobereitschaft*) во имя победы и / или славной гибели (*Sieg und / oder Untergang*). Следует отметить, однако, что если схема *Sieg und / oder Untergang* действительно отвечает стилистике сказания о нибелунгах и архаичного мышления, нашедшего в нем свое отражение (см. цитату Ю. А. Клейнера), то концепция верности вассала своему господину, примером которой является, по мнению большинства комментаторов, Хаген, была, по всей видимости, разработана при создании «Песни о нибелунгах». Она может считаться относительно новым элементом мифа о нибелунгах и соотносится с темой верности, описанной в рыцарских романах. Едва ли можно предполагать, что руководители Третьего Рейха не были об этом информированы – скорее, они предпочитали видеть (и демонстрировать окружающим) верность как одно из исконных качеств немецкого народа.

Значительно сложнее обстоит дело с формулой *Sieg und / oder Untergang*. По мнению Ф. Граф-Штульхофера, именно этот принцип послужил причиной того, что Гитлер решил развязать тотальную войну с Советским Союзом; руководствуясь данным принципом, Гитлер требовал любых жертв во имя победы, а в конце войны предпочел «славную гибель» поражению. Кроме того, по его мнению, и всему немецкому народу лучше было погибнуть, потому что он оказался не способен победить большевиков¹. С точки зрения гуманизма, такой подход вызывает отторжение, но в момент появления сказания о нибелунгах данная точка зрения, видимо, была не только уместна, но и считалась единственно верной: народ, который не в силах противостоять врагу, будет уничтожен. Свидетельством этому служит участь бургундов, уничтоженных и рассеянных по Галлии Атилой, что нашло свое отражение во второй части мифа о нибелунгах.

Возможно, неприятие идеи массового истребления народа оказалось причиной того, что вторая часть в скандинавских странах была проработана в меньшей степени. Для саг более характерен конфликт и борьба личностей, а не целых народов; на вопрос «Является ли это отражением особенностей исторического развития скандинавского общества?» должны найти ответ историки и социологи.

¹ Graf-Stuhlhofer F. Hitlers Politik als Ausdruck einer Nibelungen-Mentalität. Zur Wirkungsgeschichte deutscher Heldensage // *Verdrängter Humanismus – verzögerte Aufklärung*. Bd. 5 (Philosophie in Österreich 1920–1951) / herausgegeben von M. Benedikt usw. – Wien: Turia & Kant, 2005. – S. 1047–1057.

Выводы

«Песнь о нибелунгах» в том виде, в котором она дошла до нас, представляет собой уникальный документ, объединивший христианские мотивы, присущие его автору, и рудименты более ранних стадий развития германского общества. Современные исследователи отрицают значительное влияние языческой культуры на текст «Песни», однако приведенные примеры, отражающие мировоззрения Гитлера, говорят об обратном. Об этом же свидетельствуют и слова И. В. фон Гете, который в 1808 г. дал следующую оценку: *“...in den damaligen Zeiten eigentlich das wahre Heidentum gewesen wäre, ob sie gleich kirchliche Gebräuche hatten; <...> in diesen Leuten findet sich keine Spur von irgend einem himmlischen Reflekt”*¹ («...в те времена царствовало язычество, несмотря на то, что при этом соблюдались церковные обряды; <...> в этих людях нельзя найти и следа божественного отблеска». – Перевод наш. – С. Ж.)

На сегодняшний день ученые нередко заявляют, что «Песнь о нибелунгах» и сказание о нибелунгах в целом более чем исследованы; с этим трудно согласиться. Остается большое количество вопросов, связанных с происхождением, эволюцией, бытованием сказания. Однако наиболее сложной является проблема его влияния на европейскую культуру и, если ставить вопрос шире, историю. Представленное краткое рассмотрение ряда аспектов, связанных с мифом о нибелунгах, позволяет сделать следующий вывод: сказание о нибелунгах и тексты, его содержащие, хранят сведения о различных стадиях развития германской культуры; кроме того, данное сказание – это важный фактор, влиявший на развитие немецкой и европейской (включая Россию) культуры в XIX – первой половине XX в. Наиболее очевидным это влияние стало в Третьем Рейхе; более того, некоторые особенности поведения лидеров национал-социалистов могут быть обусловлены воздействием сказания о нибелунгах и менталитета его древних создателей. Следовательно, на современном этапе изучения требуются дальнейшие междисциплинарные исследования с привлечением специалистов в области филологии, культурологии, истории, социологии, которые помогут осмыслить место сказания в культуре германских народов.

Список литературы

Адмони В. Г. «Песнь о нибелунгах» – ее истоки и ее художественная структура // Песнь о нибелунгах / подготовлено В. Г. Адмони. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – С. 305–336.

Кенигсберг А. К. «Кольцо Нибелунга» Вагнера. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, 2004. – 89 с.

Клейнер Ю. А. Сюжет – песнь – традиция // Слово в контексте литературной эволюции. Проблемы жанров / под редакцией О. А. Смирницкой. – Москва: Филологический факультет МГУ, 1993. – С. 44–54.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград: ЛГУ, 1986. – 365 с.

Стеблин-Каменский М. И. Комментарии // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / под редакцией М. И. Стеблина-Каменского. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – С. 214–257.

¹ Grimm G. E. Goethe und das Nibelungenlied. – URL: http://www.goethezeitportal.de/fileadmin/PDF/wissen/projektepool/rezeption_nibelungen/goethe_grimm_01.pdf (дата обращения: 08.08.2020).

Стеблин-Каменский М. И. Старшая Эдда // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / под редакцией М. И. Стеблина-Каменского. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – С. 181–214.

Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1960. – 446 с.

Шестаков В. П. Генри Фюзели: дневные мечты и ночные кошмары. – Москва: Прогресс-Традиция, 2002. – 272 с.

Baeva G. Mythos und Geschichte im Nibelungenlied // Akten des XIII Internationalen Germanistenkongresses Shanghai 2015: Germanistik zwischen Tradition und Innovation / herausgegeben von J. Zhao, J. Zhu, M. Szurawitzki. – Shanghai: Peter Lang GmbH, 2017. – Bd. 8. – S. 217–224.

Bumke J. Die Quellen der Brünhildfabel im Nibelungenlied // Euphorion. – 1960. – Bd. 54. – S. 1–38.

Dattenböck G. König Richard Löwenherz und das Nibelungenlied. – URL: <http://www.nibelungenlied-verfasser.at/Nibelungenlied.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).

Ehrismann O. Archaisches und Modernes im Nibelungenlied. Pathos und Abwehr // Hohenemser Studien zum Nibelungenlied / herausgegeben von A. Masser. – Dornbirn: Vorarlberger Verlagsanstalt, 1981. – S. 164–174.

Ehrismann O. Nibelungenlied. Epoche – Werk – Wirkung. – München: Verlag C. H. Beck, 1987. – 323 S.

Göhler P. Überlegungen zur Funktion des Hortes im *Nibelungenlied* // Hansische Literaturbeziehungen. Das Beispiel der Þiðreks saga und verwandter Literatur / herausgegeben von S. Kramarz-Bein. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996. – S. 215–235.

Graf-Stuhlhofer F. Hitlers Politik als Ausdruck einer Nibelungen-Mentalität. Zur Wirkungsgeschichte deutscher Heldensage // Verdrängter Humanismus – verzögerte Aufklärung. Bd. 5 (Philosophie in Österreich 1920–1951) / herausgegeben von M. Benedikt usw. – Wien: Turia & Kant, 2005. – S. 1047–1057.

Grimm G. E. Goethe und das Nibelungenlied. – URL: http://www.goethezeitportal.de/fileadmin/PDF/wissen/projekttepool/rezeption_nibelungen/goethe_grimm_01.pdf (дата обращения: 08.08.2020).

Hennig U. Herr und Mann – Zur Ständegliederung im Nibelungenlied // Hohenemser Studien zum Nibelungenlied / herausgegeben von A. Masser. – Dornbirn: Vorarlberger Verlagsanstalt, 1981. – S. 349–359.

Müller J.-D. Spielregeln für den Untergang: Die Welt des Nibelungenliedes. – Tübingen: Narr, 1998. – 271 S.

Münkler H., Storch W. Siegfrieden. Politik mit einem deutschen Mythos. – Berlin: Rotbuch Verlag, 1990. – 141 S.

Nagel B. Das Nibelungenlied. Stoff – Form – Ethos. – Frankfurt am Main: Hirschgraben-Verlag, 1965. – 296 S.

Schulze U. Das Nibelungenlied. – Stuttgart: Reclam, 2008. – 340 S.

Traub R. Mär von deutschen Recken // Der Spiegel. Geschichte. – 2013. – № 2. – S. 102–107.

Wackwitz P. Gab es ein Burgunderreich in Worms? // Beiträge zu den Geschichtlichen Grundlagen der Nibelungensage. 1964–1965. – Bd. 2. – S. 265–294.

References

Admoni V. G. “Pesn' o nibelungakh” – ee istoki i ee khudozhestvennaia struktura [“The Song of the Nibelungs” – its origins and its literary structure]. *Pesn' o nibelungakh* [The Song of the Nibelungs; prepared by V. G. Admoni]. St Petersburg: Nauka, 2004, pp. 305–336.

Kenigsberg A. K. “Kol'tso Nibelunga” *Vagnera* [Wagner's “Ring of Nibelung”]. St Petersburg:

Sankt-Peterburgskaia gosudarstvennaia konservatoriia imeni N. A. Rimskogo-Korsakova, 2004. 89 p.

Kleiner Ju. A. Siuzhet – pesn' – traditsiia [Plot – song – tradition]. *Slovo v kontekste literaturnoi evoliutsii. Problemy zhanrov* [Word in the context of literary evolution. Problems of genres; ed. by O. A. Smirnitskaia]. Moscow: Filologicheskii fakul'tet MGU, 1993, pp. 44–54.

Propp V. Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of a magic tale]. Leningrad: LGU, 1986. 365 p.

Steblyn-Kamenskii M. I. Kommentarii [Commentary]. *Starshaia Edda. Drevneislandskie pesni o bogakh i geroiakh* [Elder Edda. Old Icelandic songs about gods and heroes; ed. by M. I. Steblyn-Kamenskii]. St Petersburg: Nauka, 2006, pp. 214–257.

Steblyn-Kamenskii M. I. Starshaia Edda [Elder Edda]. *Starshaia Edda. Drevneislandskie pesni o bogakh i geroiakh* [Elder Edda. Old Icelandic songs about gods and heroes; ed. by M. I. Steblyn-Kamenskii]. St Petersburg: Nauka, 2006, pp. 181–214.

Khoisler A. *Germanskii geroicheskii epos i skazanie o Nibelungakh* [Germanic heroic epic and legend of the Nibelungs]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1960. 446 p.

Shestakov V. P. *Genri Fiuzeli: dnevnye mechty i nochnye koshmary* [Henry Fuseli: daytime dreams and nightmares]. Moscow: Progress-Traditsiia, 2002. 272 p.

Baeva G. Mythos und Geschichte im Nibelungenlied. *Akten des XIII Internationalen Germanistenkongresses Shanghai 2015: Germanistik zwischen Tradition und Innovation*; herausgegeben von J. Zhao, J. Zhu, M. Szurawitzki. Shanghai: Peter Lang GmbH, 2017, Bd. 8, S. 217–224.

Bumke J. Die Quellen der Brünhildfabel im Nibelungenlied. *Euphorion*, 1960, Bd. 54, S. 1–38.

Dattenböck G. *König Richard Löwenherz und das Nibelungenlied*. Available at: <http://www.nibelungenlied-verfasser.at/Nibelungenlied.pdf> (accessed: 06.05.2020).

Ehrismann O. Archaisches und Modernes im Nibelungenlied. Pathos und Abwehr. *Hohenemser Studien zum Nibelungenlied*; herausgegeben von A. Masser. Dornbirn: Vorarlberger Verlagsanstalt, 1981, S. 164–174.

Ehrismann O. *Nibelungenlied. Epoche – Werk – Wirkung*. München: Verlag C. H. Beck, 1987. 323 S.

Göhler P. Überlegungen zur Funktion des Hortes im *Nibelungenlied*. *Hansische Literaturbeziehungen. Das Beispiel der Piðreks saga und verwandter Literatur*; herausgegeben von S. Kramarz-Bein. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996, S. 215–235.

Graf-Stuhlhofer F. Hitlers Politik als Ausdruck einer Nibelungen-Mentalität. Zur Wirkungsgeschichte deutscher Heldensage. *Verdrängter Humanismus – verzögerte Aufklärung. Bd. 5 (Philosophie in Österreich 1920–1951)*; herausgegeben von M. Benedikt usw. Wien: Turia & Kant, 2005, S. 1047–1057.

Grimm G. E. *Goethe und das Nibelungenlied*. Available at: http://www.goethezeitportal.de/fileadmin/PDF/wissen/projekte-pool/rezeption_nibelungen/goethe_grimm_01.pdf (accessed: 08.08.2020).

Hennig U. Herr und Mann – Zur Ständegliederung im Nibelungenlied. *Hohenemser Studien zum Nibelungenlied*; herausgegeben von A. Masser. Dornbirn: Vorarlberger Verlagsanstalt, 1981, S. 349–359.

Müller J.-D. *Spielregeln für den Untergang: Die Welt des Nibelungenliedes*. Tübingen: Narr, 1998. 271 S.

Münkler H., Storch W. *Siegfrieden. Politik mit einem deutschen Mythos*. Berlin: Rotbuch Verlag, 1990. 141 S.

Nagel B. *Das Nibelungenlied. Stoff – Form – Ethos*. Frankfurt am Main: Hirschgraben-Verlag, 1965. 296 S.

Schulze U. *Das Nibelungenlied*. Stuttgart: Reclam, 2008. 340 S.

Traub R. Mär von deutschen Recken. *Der Spiegel. Geschichte*, 2013, no. 2, S. 102–107.

Wackwitz P. Gab es ein Burgunderreich in Worms? *Beiträge zu den Geschichtlichen Grundlagen der Nibelungensage*. 1964–1965, Bd. 2, S. 265–294.

Для цитирования: Жилук С. А. Сказание о нибелунгах в контексте лингвокультурологии германских народов // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 2 (101). – С. 47–58. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-2-101-4>

For citation: Zhiliuk S. A. The Nibelung myth in linguistics and culture of Germanic peoples. *Cherapovets State University Bulletin*, 2021, no. 2 (101), pp. 47–58. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-2-101-4>

Сведения об авторах

Сергей Александрович Жилук /
Sergei A. Zhiliuk

Кандидат филологических наук, ассистент кафедры немецкой филологии, <https://orcid.org/0000-0002-0090-9068>, s.zhilyuk@spbu.ru, s.a.jiluck@gmail.com, Санкт-Петербургский государственный университет (д. 7–9, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Россия) / Candidate of Philological Sciences, Lecturer Assistant of German Philology Department, <https://orcid.org/0000-0002-0090-9068>, s.zhilyuk@spbu.ru, s.a.jiluck@gmail.com, St Petersburg State University (7–9, Universitetskaya naberezhnaya, 199034 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 01.09.2020; одобрена после рецензирования 07.12.2020; принята к публикации 14.12.2020.

The article was submitted 01.09.2020; approved after reviewing 07.12.2020; accepted for publication 14.12.2020.